Г645
1449
Библиотека Института В. И. Ленина

№ 22 (Р.)

ГОЛОС ТРУДА

THE VOICE OF LABOR

Цѣна отдѣльнаго номера 2 с.

Освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих

В единеніи—сила!

Безпартійный орган русских рабочих в Америкѣ

Выходит ежемѣсячно.

Изданіе Русской Рабочей Группы в Нью Іоркѣ

Условія подписки:

В Соединенных Штатах:		В Канадѣ и заграницей:	
На год	35 сентов	На год	50 сен.
На полгода	20 „	На полгода	25 „

Отдѣльные номера по 2 сента можно получать на стэндах в Нью-Іоркѣ и во всѣх городах Соед. Штатов и Канады.

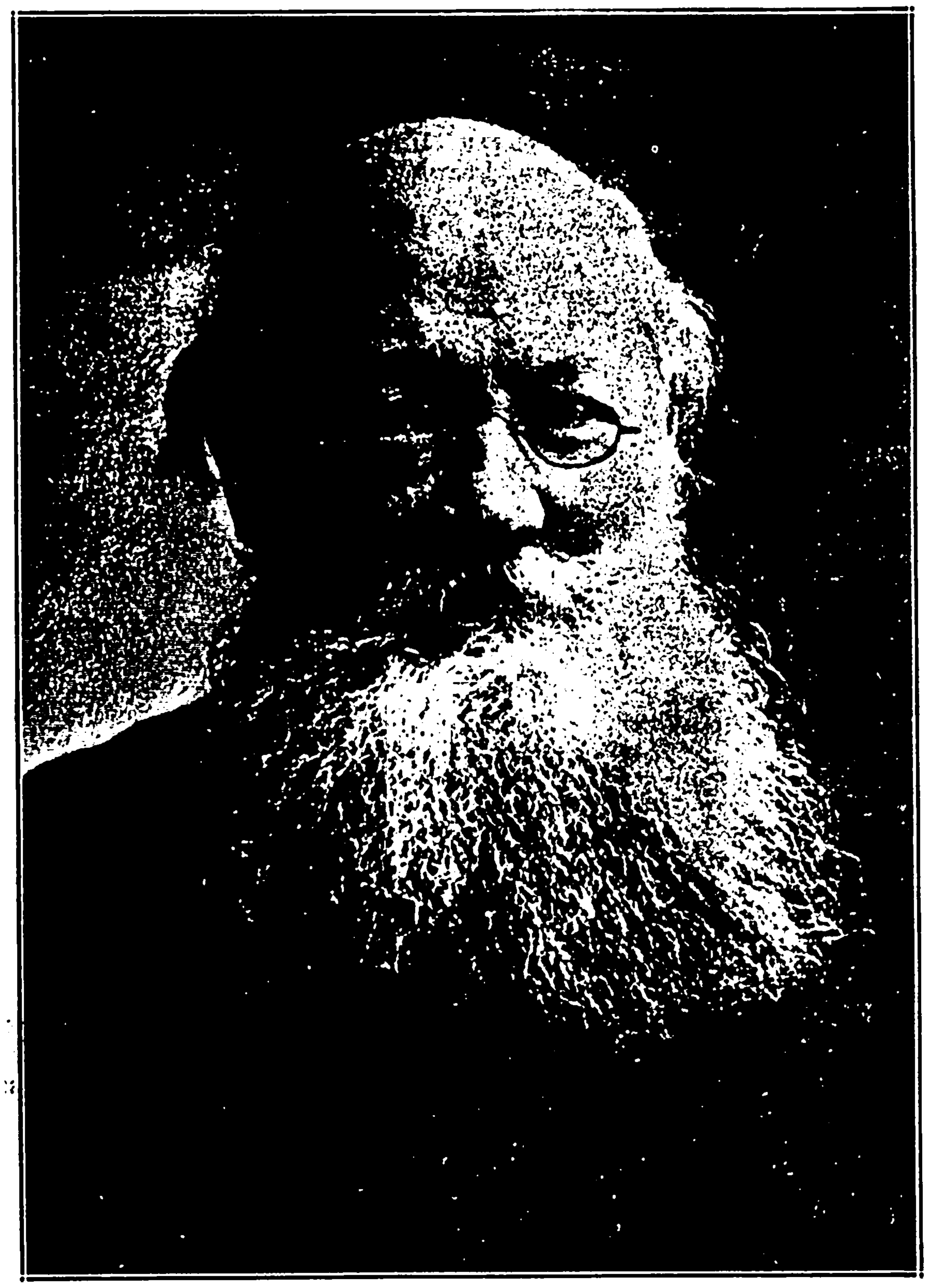
Вся корреспонденція на имя „Голоса Труда" должна быть направлена по слѣдующему адресу:

Рукописи должны быть написаны четко, на одной сторонѣ листа и имѣть подпись автора, с указаніем его адреса. Рукописи, признанныя неудобными к печати, уничтожаются, если на возврат их не были присланы почтовыя марки.

НОВЫЙ АДРЕС „ГОЛОСА ТРУДА":

"Golos Truda", P. O. Box 4, Station U, New York, N. Y.

Год II. NEW YORK, DECEMBER 1st 1912 Vol. II.



ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ КРОПОТКИНЪ.

2103

НАШ ПРАЗДНИК.

Не всякій человѣк имѣет основаніе радоваться своему рожденію. Многіе сами сожалѣют о нем. Еще чаще о их рожденіи сожалѣют другіе. За то есть и такіе счастливцы, рожденіе которых — истинный праздник для многаго множества людей.

9-го декабря исполняется семидесятая годовщина рожденія нашего дорогого Старика — Петра Алексѣевича Кропоткина.

Тысячи и тысячи привѣтствій со всѣх концов міра, пожеланія еще многих плодотворных лѣт жизни донесутся к нему в этот день. Но всего искреннѣе и всего радостнѣе прозвучат голоса обездоленных, чувствующих свою кровную связь с ним; голоса тѣх, кто с его помощью отдал себѣ ясный отчет в своем положеніи, научился мыслить, освободился от сковывавших его ум вредных и опасных предразсудков и пережитков и, прислушиваясь к его, то ободряющему, то предостерегающему голосу, с'умѣл найти свои пути.

Люди науки будут чествовать в Петрѣ Алексѣевичѣ крупнаго ученаго; свободолюбивые и свободомыслящіе — яркую фигуру мыслителя; мы, анархисты, отдавая дань всѣм его качествам, почтим в этот день ветерана анархической мысли и дѣла, безстрашнаго мыслителя и неутомимаго борца. Ибо он наш. Наш по духу, наш каждым біеніем своего сердца.

На зарѣ сознательной жизни Кропоткина забилось оно горячей любовью к рабам и тлетворная атмосфера окружающаго не только не заглушила в нем этого чувства, но лишь ярче зажгла и побудила к дѣйственным проявленіям.

Исторія жизни Петра Алексѣевича похожа на сказку. Она напоминает тѣ легенды, которыя создаются post factum вокруг многих основателей религій. Но, если **там онѣ выдумываются,** чтобы придать больше вѣса и характер сверх'естественности проповѣдуемому **ученію, — здѣсь, правдивая,** она служит лишь для лучшей оцѣнки **личности** апостола нашего ученія. Да еще, пожалуй, мимоходом опровергают огульное и легкомысленное утвержденіе, будто наука **сама по себѣ** буржуазна. Исторія жизни и развитія Кропоткина лишній раз показывает, что не наука, сама по себѣ, буржуазна, но лишь примѣненіе, которое дѣлают из нея господствующіе классы, тот суррогат науки, который подносится в современном обществѣ под именем ея. Сама же по себѣ она **внѣсословна,** способствует лишь **нормальному** совершенствованію человѣка и искренне-чутких послѣдователей своих революціонизирует, приводит к пониманію и отрицанію современной дѣйствительности даже вопреки и в разрѣз с их соціально-экономическими интересами.

Рюрикович по происхожденію, потомок богатаго княжескаго рода, Кропоткин воспитывается в привиллегированном военном учебном заведеніи, в разсадникѣ придворных прислужников — в Пажеском корпусѣ. Но и здѣсь его спасает стремленіе к настоящей, нефальсифицированной наукѣ, стремленіе, пробужденное в нем его другом-братом, — замѣчательной, крупной личностью, — поддержанное хорошими профессорами, истинными служителями знанія. Оно отвлекает его от придворной мишуры, направляет мысли его в другую сторону и способствует прозябанію сѣмян, заложенных в его чуткую душу еще под отчим кровом, благодаря соприкосновенію с представителями страждущаго народа, отцовскими крѣпостными.

Освободительныя идеи носились в то время в воздухѣ. Созвучно откликается на них сердце юноши: личная чуткость, просвѣтленный знаніем ум, давно привели к ним. Он даже в корпусѣ пытается издавать революціонный журнал.

Окончаніе корпуса обязывает к должности офицера. Минуя блестящіе гвардейскіе полки, на выход в которые имѣет право, он записывается в казачій полк — квартирующій в далекой Сибири — там широкая арена для дѣятельности в прогрессивно-освободительном направленіи, к которой он рвется.

В самом дѣлѣ, в Сибири его ждет содержательная, плодотворная для выработки самостоятельности, жизнь. Богатый знаніями и опытом он возвращается в Петербург и поступает в университет.

Он учится, но он сам уже ученый. В головѣ его созрѣли планы важных научных работ и открытій, широкія обобщенія; ему знакомо уже научное творчество.

И вот, когда перед ним открывается карьера ученаго, не ученаго-чиновника, а ученаго-творца, когда он получает лестное приглашеніе географическаго общества стать его секретарем и таким образом ему становится свободным доступ к жизни, полной утонченных умственных наслажденій, в сердцѣ его берет перевѣс дѣйственная любовь к страждущему **теперь** человѣчеству, к народу. Служенію ему он хочет посвятить всѣ свои силы, всѣ свои богатыя природныя способности, развившіяся под вліяніем научных занятій.

Он говорит себѣ:

„Всѣ эти звонкія слова насчет прогресса, произносимыя в то время, как сами дѣятели прогресса держатся в сторонѣ от народа, всѣ эти громкія фразы — одни софизмы (ложные выводы, из намѣренно искаженных положеній). Их придумали, чтобы отдѣлаться от раз'ѣдающаго противорѣчія."

И с такою легкостью, как карьеру военную и придворную, он разбивает свою ученую карьеру.

В то время в Западной Европѣ вздымалась мощная волна Интернаціонала. Рабочія массы выступили с великой идеей братства трудящихся всего міра. Народное творчество залагало основы современнаго анархическаго міровоззрѣнія.

Кропоткин ѣдет заграницу и, вступив в одну из секцій Интернаціонала,*) с жаром предается изученію его жизни и существующих в нем теченій.

Искренность, душевная чуткость и безкорыстная преданность интересам угнетенных помогли Кропоткину разобраться и отдать себѣ ясный отчет в попытках политиканов использовать в своих цѣлях мощное рабочее движеніе. Он отошел от соціалистов-государственников и сблизился с безгосударственной вѣтвью Интернаціонала, с „федералистами" или „бакунистами", с знаменитой Юрской федераціей. С этого момента вся его дѣятельность связана с анархизмом.

Здѣсь не мѣсто давать „оцѣнку" этой дѣятельности. Для этого понадобилась бы не простая замѣтка, а цѣлое сочиненіе. Достаточно напомнить, что развитіе анархизма так тѣсно связано с трудами Кропоткина (произведеніям Кропоткина, переведенным на всѣ языки, анархисты всѣх стран обязаны систематическим представленіем об анархизмѣ), что анархическій коммунизм †) иначе называют — и с полным правом — „Бакунинско-Кропоткинским теченіем анархизма".

Отмѣчу еще, что красной нитью через всѣ произведенія Кропоткина проходит его духовная связь с массой, с народом и признаніе им массоваго творчества. Впрочем, говорить об этом подробнѣе — значило бы излагать міровоззрѣніе анархическаго коммунизма.

Вернувшись в Россію с грузом литературы об Интернаціоналѣ, Кропоткин всецѣло отдался пропагандѣ. Здѣсь он сошелся с лучшими представителями пропагандистов-народников, вошел в кружок Чайковцев и сам вел пропаганду в рабочих кружках, отправляясь туда порою прямо с обѣда во дворцѣ, лишь переодѣвшись в соотвѣтственный костюм.

Наконец он был арестован. Долгіе годы крѣпости, побѣг из военнаго госпиталя и — изгнаніе.

Так из царскаго дворца нес он новое Евангеліе в рабочія хижины Петербурга для того, чтобы пройдя через тюрьмы выйти на широкую міровую арену.

Слѣдующій затѣм період жизни Петра Алексѣевича тѣсно связан с дѣятельностью безсмертной Юрской Федераціи и в нѣдрах ея, путем соприкосновенія с дѣйствительностью и взаимодѣйствія мысли, окончательно сформулировалось у него цѣлостное анархическое міровоззрѣніе, которое он и изложил с такою ясностью в своих произведеніях.

Пропаганда и агитація, участіе в запрещенных манифестаціях, работа в „Бюллетенѣ", участіе в конгрессах, и снова преслѣдованія полиціи, на этот раз республиканской.

Затѣм — созданіе газеты „Le Revolte" [(„Бунтовщик"), под вліяніем преслѣдованій возобновленной под именем „La Revolte" — („Бунт") и наконец — „Les Temps Nouveaux" („Новыя Времена"), выходящей и нынѣ в Парижѣ], изгнаніе из „свободной" Швейцаріи, наконец арест в „свободной" Франціи, осужденіе на три года республиканской тюрьмы и новое изгнаніе — такова внѣшняя сторона дальнѣйших лѣт жизни Кропоткина.

Но никакими словами не передать того громаднаго вклада, который внес он в развитіе анархической мысли, не учесть того вліянія, которое оказал он на анархическое движеніе. Не передать тѣм, кто не имѣл счастья лично сталкиваться с Кропоткиным и того обаянія, которое испытываешь от общенія с ним.

Суровая доля изгнанника, тяжелая необходимость до старости поддерживать себѣ жизнь личным трудом, не наложили своей гнетущей печати на его внутренній облик, не погасили лучистаго блеска его юношески-живых глаз.

Семьдесят лѣт жизни, жизни славной, богатой событіями; больше полувѣка сознательной, плодотворной дѣятельности, направленной на благо других людей, — у него за плечами. Оглянувшись назад под дружный хор привѣтствій и поздравленій близких ему по духу, он может с полным правом сказать себѣ: да, я не даром жил! не напрасно родился!

И он почувствует своим большим сердцем, не знающим неискренности, искренность в наших пожеланій еще долгіе годы служить нам примѣром и олицетвореніем вѣрности идеалам.

Пройдут годы, пройдут вѣка, исчезнет и позабудется зло, исчезнет гнет человѣка человѣком, обществом и государством, исчезнет тьма, с которой боролся он всю свою жизнь, но имя Кропоткина будет передаваться из поколѣнія в поколѣніе и люди, научившіеся любить Истину и Справедливость, с благоговѣніем будут чтить память его на ряду с другими лучшими представителями Человѣчества.

Потому что не временным интересам отдѣльных лиц, не сословным интересам служил он; не во имя их билось его сердце и горѣла ярким свѣтом его мысль, но интересам всего человѣческаго рода, интересам Будущаго Человѣка, нарождающагося медленно, но неуклонно, вопреки всѣм усиліям поборников зла и невѣжества.

Вл. Забрежнев.

---

*) В 1872 году. Таким образом в нынѣшнем году исполнилось еще и 40 лѣтіе вступленія Кропоткина в Интернаціонал, вѣрным выразителем, истолкователем и продолжателем завѣтов котораго он является и нынѣ.

†) Самое понятіе анархическаго коммунизма разработано главным образом П. А. и именно ему принадлежит знаменитый доклад конгрессу Интернаціонала (под именем Левашова), повліявшій на принятіе этого наименованія (во второй пріѣзд заграницу). См. Bulletin de la Federation Jurasienne.

НѢСКОЛЬКО СЛОВ К ПРАЗДНИКУ 9-ГО ДЕКАБРЯ.

Товарищи всѣх стран готовятся чествовать 9 декабря 70-тилѣтіе Петра Алексѣевича Кропоткина. У всѣх одновременно, в Европѣ и в Америкѣ, явилась эта мысль, сама собою, без всякаго предварительнаго уговора и теперь 9-го декабря нам предстоит настоящій международный праздник анархизма.

Лучшее, что мы можем сдѣлать в этот день, это — поговорить между собою о той идеѣ, которую разработал в своих трудах и которой посвятил свою жизнь тот, кого мы готовимся привѣтствовать.

В сущности, говорить об идеях П. А. Кропоткина — значило бы говорить обо всем современном аанрхизмѣ: ко взглядам Бакунина и его товарищей по Интернаціоналу он прибавил так много новаго, настолько развил и обогатил их, обосновал их таким, совершенно оригинальным образом, на данных современной науки, что в настоящем своем видѣ анархическое ученіе сливается и отождествляется с проповѣдью П. А. Кропоткина.

Излагать его идеи полностью здѣсь, поэтому, совершенно невозможно, да читатели „Голоса Труда" в значительной мѣрѣ уже и знакомы с ними. Но что, может быть, не лишнее, это — указать нѣкоторыя стороны их, особенно важныя для пониманія того **индивидуальнаго**, что внес П. А. Кропоткин: вѣдь во всякой системѣ идей, у каждаго мыслителя, даже у каждаго человѣка, есть всегда своя, особенно-любимая сторона, с которой они подходят к данной идеѣ и которая налагает на нее свой, особый отпечаток.

Мы оставим пока в сторонѣ чисто-научные вопросы, разработкою которых занимался и занимается П. А. Кропоткин, и остановимся только на том, что непосредственно составляет его соціальное міросозерцаніе.

В этом міросозерцаніи можно намѣтить три основных вопроса: экономическій, политическій и нравственный.

П. А. Кропоткину цѣликом принадлежит постановка и разработка перваго вопроса и созданіе послѣдовательной системы взглядов на экономическій строй будущаго с точки зрѣнія анархизма. Он показал совершенно ясно, что анархическій строй не может существовать ни при какой системѣ экономических отношеній, кромѣ **коммунизма.** И при этом важно не только уничтоженіе частной собственности на землю, дома, фабрики, заводы, машины и проч.. и переход их в общее владѣніе; не менѣе важно, как будут распредѣляться производимые сообща продукты: соотвѣтственно ли затраченному каждым человѣком труду, или соотвѣтственно его потребностям, не справляясь с тѣм, сколько и чего он произвел. Первая система составляет **коллективизм**, вторая — **коммунизм.** На которой же из них можем мы помириться и к которой ведет нас, вѣроятнѣе всего, развитіе человѣчества?

Глубокое изученіе исторіи человѣчества, его стремленій, его изобрѣтеній, его нужд, его жизни во всѣ времена и у разных народов привело П. А. Кропоткина к заключенію, что всѣ наши богатства — результат труда **всего человѣчества в цѣлом** и никого в отдѣльности, и что нѣт никакой возможности опредѣлить, чей труд и насколько создал то или другое. Возьмем, напр., каменный уголь: мы может быть подумаем, что он должен принадлежать добывающим его шахтерам? Но вспомним только, что для копей необходима желѣзная дорога, которая увозила бы уголь, а для желѣзной дороги нужны и желѣзо, и дерево, и машины, а потому и слесаря, и машинисты, и сторожа, и всѣ безчисленные занятые при этом работники, вплоть до того дровосѣка, который рубил дерево на шпалы, имѣют на добытый уголь такое же право, как и углекопы. Значит — дать каждому цѣликом продукт его труда или уплатить ему стоимость этого продукта мы не можем. „Все принадлежит всѣм!" говорит Кропоткин. „Вот перед нами огромная масса орудій, созданная девятнадцатым вѣком, вот милліоны желѣзных рабов, которых мы называем машинами и которые пилят и стругают, ткут и прядут за нас, разлагают и вновь возстанавливают сырой матеріал, одним словом, создают всѣ чудеса нашего времени. Никто не имѣет права завладѣть хотя бы одною из этих машин и сказать: „Она принадлежит мнѣ и, чтобы пользоваться ею, вы должны платить мнѣ дань с каждаго из ваших продуктов", так же, как средневѣковой помѣщик не имѣл права сказать кретьянину: „Этот холм или этот лут принадлежит мнѣ и ты будешь платить мнѣ дань с каждаго собраннаго снопа, с каждой копны сѣна".

„Да, все принадлежит всѣм! И раз только мужчина или женщина внесли в это цѣлое свою долю труда, они имѣют право на свою долю всего, что производится общими усиліями всѣх. А этой доли уже будет достаточно, чтобы обезпечить довольство всѣм.

„Довольно с нас неясных формул, в родѣ „права на труд" или „каждому продукт его труда"! То, чего мы требуем, это — **право на довольство — довольство для всѣх.**"

За невозможностью точно измѣрять труд каждаго, соціалисты-коллективисты предлагают вознагражденіе соотвѣтственно числу часов работы каждаго; но и этот способ не может создать дѣйствительно справедливаго распредѣленія. Вѣдь легко себѣ представить, что у одного, по тѣм или другим причинам, потребности больше, чѣм у другого, вознагражденіе же они будут получать, при одинаковом трудѣ, одинаковое; слѣдовательно, первый останется в нуждѣ, второй же будет имѣть все, что ему необходимо. Один может быть сильнѣе, ловче, способнѣе другого; но достаточная ли это причина для того, чтобы ему жилось лучше? Очевидно, нѣт. Порядок, гдѣ сохраняется **плата за труд**, а слѣдовательно и самый принцип наемнаго труда, таким образом непремѣнно узаконяет неравенство. Тот, кому не достает его заработной платы, будет стараться найти недостающее еще гдѣ-нибудь, а тот, у кого окажется излишек, сможет накопить себѣ извѣстное количество „рабочих чеков" и просто **нанять** услуги перваго, нуждающагося. Это уже не только неравенство, это — открытая дверь для новой эксплуатаціи человѣка человѣком.

Мало того: там, гдѣ приходится оцѣнивать труд каждаго и опредѣлять плату за него, создастся непремѣнно и **государство, и правительство.** В самом дѣлѣ: неизбѣжно явятся несогласія, будут недовольные, будут протесты; кто же будет приводить все это в порядок и смотрѣть чтобы кто нибудь не захватил долю сосѣда? Нужен будет закон, нужна будет сила, которая заставила бы подчиниться ему непокорных, нужны будут чиновники, которые будут распредѣлять работу, вычислять долю каждаго и т. д. А для тѣх, кто не может работать, что останется? Очевидно, ничего, кромѣ государственной благотворительности!

Недопустимость этого ясно увидѣл П. А. Кропоткин. Для того, чтобы человѣк был дѣйствительно свободен и чтобы мог жить дѣйствительно в обществѣ равных, коммунизм — единственно возможный выход. Пусть всѣ продукты, произведенные всѣми, будут сложены вмѣстѣ, „в кучу", и пусть они распредѣляются по потребностям каждаго. Пусть каждый берет сколько хочет всего, что имѣется в изобиліи; то же, чего может не хватить для всѣх, пусть дѣлят по взаимному соглашенію, соотвѣтственно потребностям, отдавая предпочтеніе дѣтям, старикам, больным, вообще — слабым.

П. А. Кропоткин особенно настаивает на том, что этот идеал — не утопія, построенная на преувеличенном мнѣніи о человѣческой добротѣ; на оборот, эти принципы всегда очень хорошо понимались народом и проводились им в жизнь вездѣ, гдѣ к этому представлялась возможность: во время общественных бѣдствій, когда он требовал дѣлежа всего, соотвѣтственно потребностям (на примѣр, во время осады Парижа в 1871 году), в деревнях, гдѣ сохранились общинные обычаи и т. д. и т. д.

Коммунистическое рѣшеніе подсказывается самою жизнью; оно, кромѣ того, единственно возможное в обществѣ, гдѣ не будет принудительной силы государства, в обществѣ анархическом.

Что исторія ведет нас к такому обществу — показывает множество фактов. Прежде всего — опыт представительнаго правленія дал людям возможность увидѣть всѣ его недостатки, из которых, может быть, самый главный — тот, что депутаты, которым народ ввѣряет свои судьбы, предполагаются положительно всезнающими. А так как таких всезнающих существовать не может, то добросовѣстное выполненіе принятых на себя обязанностей становится для депутата невозможным уже по этому одному — даже если мы оставим всѣ остальныя причины, как развращающее вліяніе власти, экономическія привиллегіи капитала, дѣлающія невозможным независимость от него, как избирателей, так и избираемых, возможныя измѣны, подкуп и т. д. Даже при самом лучшем соціалистическом порядкѣ, нельзя будет себѣ представить, чтобы кучка людей могла быть достаточно свѣдущей, чтобы управлять всѣми остальными по всѣм вопросам и рѣшать всѣ дѣла. Единственная возможная организація — и П. А. Кропоткин указывает нам на то, что такой способ принят, напр., в рѣшеніи вопросов науки или техники — это такая, гдѣ делегатов выбирают **для каждаго отдѣльнаго вопроса,** в котором у него есть спеціальныя знанія. Эти делегаты собираются между собою, но не в парламент, а на род конгресса и там обсуждают тот вопрос, для котораго их послали, обмѣниваются мнѣніями, приходят к тѣм или другим выводам, и возвращаются к своим „избирателям", не с **рѣшеніями,** обязательными для них, а с мнѣніями и совѣтами, которые тѣ вольны принять, а вольны и не принять.

На рядѣ примѣров П. А. Кропоткин показывает нам, что только путем таких добровольных соглашеній, ассоціацій, с'ѣздов, федеративных связей между отдѣльными организаціями создавался весь прогресс человѣчества — промышленный, техническій, научный; государство же оказывалось всегда неспособным играть какую бы то ни было цивилизирующую роль: во всем, возьмем ли мы народное образованіе, борьбу с преступностью или защиту территорій — во всем добровольныя ассоціаціи были бы способны выполнить дѣло лучше.

И будущее, именно в развитіи таких ассоціацій — производительных групп, территоріальных общин и множествѣ всяких обществ, создающихся для всѣх безчисленных потребностей жизни цивилизованнаго человѣка.

Когда мы говорим о свободном и равном обществѣ, перед нами естественно встает такой вопрос: какою внутреннею связью будут связаны между собою члены этого общества, при отсутствіи внѣшней, насильственно об'единяющей их, принудительной силы? Мы отвергаем то, что проповѣдует нам религія, но слѣдует ли из этого, что мы отвергаем самые принципы нравственности, которые проповѣдуют **всѣ** религіи, потому что они существуют и всегда существовали **во всем** человѣчествѣ? Есть люди, которые склонны думать, что раз человѣк не признает ни религіи, ни государственных законов, ни условной морали буржуазнаго общества, то он должен, вообще, отвергать всякую мораль и за правило своего поведенія принимать: „Пусть каждый заботится только о себѣ". Это — ошибка, в которую впадают потому, что думают, будто бы нравственныя понятія в человѣкѣ — нѣчто искусственное, привитое ему извнѣ, вродѣ, например, какого-нибудь суевѣрія. А между тѣм — и П. А. Кропоткин показывает это, как в научных своих трудах, так и в своих

брошюрах и статьях для пропаганды — нравственныя и общественныя чувства, симпатія, сострадание и т. д., также присущи людям по природѣ, как строеніе и функціи их тѣла. Эти чувства существуют даже — хотя, конечно, в гораздо меньшей степени — у многих животных, не говоря уже о первобытных людях и дикарях. Искуственна не нравственность, которая составляет для человѣка естественную потребность, а искуственно, наоборот, то, что эта нравственность портится и исчезает, когда жизнь не благопріятствует ей. „Создадим такія условія, — пишет П. А. Кропоткин, — при которых человѣку не нужно было бы лгать, обманывать, эксплуатировать других, — и нравственный уровень человѣчества, самою силою вещей, поднимется до высоты, невиданной до сих пор."

Это будущее развитіе нравственности людей может особенно выразиться в том,, что от обыкновеннаго правила, без котораго не может существовать ни одно человѣческое общежитіе, правила справедливости, равенства в отношеніях, одним словом, от принципа: „Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою", люди перейдут к формѣ нравственности болѣе высокой. Вѣдь справедливость, это только — самое меньшее, чего мы можем требовать от людей; существует нѣчто большее, болѣе прекрасное, болѣе широкое: это — способность отдавать свои чувства, силы, ум людям, **не считая**. Только люди, способные на это „куют истинный прогресс человѣчества". И только такой нравственный идеал возможен для истинно-свободных людей, в истинно-свободном обществѣ. Все гармонирует в нем: экономика, политика, мораль. „Комбинируйте эти три элемента,—говорит П. А. Кропоткин, — и вы поймете, что такое анархія и какое мѣсто она занимает в соціализмѣ:

„Освобожденіе производителя от ига капитала. Производство сообща и свободное потребленіе всѣх продуктов общаго труда.

„Освобожденіе гражданина от ига правительственнаго. Свободное развитіе личностей в группах и групп в федераціях. Свободная организація от простого к сложному, сообразно взаимным потребностям и стремленіям.

„Освобожденіе внутренней личности человѣка от религіозной морали. Свободная нравственность, без принужденія и без санкціи, развивающаяся в самом ходѣ жизни общества и переходящая в привычку.

„Это — не мечта кабинетных мыслителей. Это — вывод из разбора тѣх тенденцій, которыя существуют в современном обществѣ. Анархическій коммунизм, это — наше современное стремленіе к экономическому равенству и политической свободѣ."

Среди ежедневной борьбы, поглощающей столько сил, особенно важно не терять из виду путеводной звѣзды идеала. Она одна дает смысл и цѣль нашей дѣятельности в настоящем. Она особенно ярко должна сіять перед нами тогда, когда мы начинаем надѣяться, что близок момент, когда на сторонѣ рабочих окажется побѣда: тогда в особенности нужно будет имѣть перед собою ясную цѣль, ясную мысль, для проведенія ея в жизнь. А для уясненія этой цѣли, этой мысли, никто не сдѣлал так много, как тот, кому в день 9-го декабря шлют со всѣх концов свѣта привѣт борцы за истинное освобожденіе человѣчества.

М. Корн.

Настанет время, когда будут удивляться тому, что могли когда-либо существовать люди, считавшіе почетным, не работая, наслаждаться на счет тѣх, которые работали, не наслаждаясь.

Г. Спенсер.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ОБЗОР.

Война балканских держав с Турціей, их побѣдоносное наступленіе сосредоточило на себѣ общее вниманіе, а другая война, — вѣчная война эксплуататоров и эксплуатируемых, — отошла на газетных страницах с „десятаго плана" — на тридцатый.

О первой войнѣ я не буду писать. За ней надо слѣдить изо дня в день, — в крайнем случаѣ из недѣли в недѣлю, а в ежемѣсячникѣ нечего и думать поспѣть за событіями, развивающимися с фантастической быстротой. Можно только отмѣтить, что отбросы турецкой націи будут лишены довольно обычнаго для них и не безвыгоднаго времяпрепровожденія, которое сводилось к тому, что они грабили и рѣзали, под благосклонным взором ссылавшагося на волю Аллаха начальства, христіанское населеніе Македоніи. Турецкое же правительство по неволѣ перестанет лгать о реформах и свободах, постоянно обѣщавшихся и никогда недававшихся покоренным націям. Быть может, исчезнет и европейская Турція, населеніе которой болѣе, чѣм на три четверти состоит не из турок. Исчезнет эта „конституціонная" монархія без буржуазных свобод, запрещавшая союзы и стачки рабочих. Исчезнет под вліяніем внѣшняго разгрома и в ожиданіи паденія таких „конституціонных" монархій, как русская, германская, испанская, итальянская, которыя не могут помириться даже с тѣнью буржуазных свобод и прав и которыя тоже падут или от внѣшняго толчка или от революціонных движеній.

Но рабочіе Запада, которым европейская война обойдется черезчур дорого, которым столкновеніе великих держав может принести большой вред, с тревогой ожидают момента дѣлежа Турціи. Они с нѣкоторым основаніем боятся, что господа капиталисты и их слуги правители (а в Германіи — правители-господа) рѣшат, что им выгодно устроить людскую бойню и пошлют трудовой народ на смерть и убійства. Впрочем, пред буржуазіей мелькает грозный призрак Парижской Коммуны и этот призрак охлаждающе дѣйствует на ея финансово-воинственный пыл.

Мы не можем предсказать, как отвѣтит пролетаріат разных стран на об'явленіе войны, если таковая вспыхнет, загорѣвшись от летящих с Балканскаго полуострова головней. Можно быть увѣренным только в Германіи. На удивленіе вымуштрованные, малосознательные рабочіе этой страны ограничатся платоническими протестами на митингах и, в крайем случаѣ, рискнут на невинныя прогулки, почему-то величаемыя соціал-демокатической прессой демонстраціями.

Кстати, нѣмецкіе рабочіе были даже немного смущены тѣм, что на их мирнѣйших собраніях по поводу вздорожанія жизни полиція блистала своим отсутствіем. Это, впрочем, вполнѣ понятно: полиціи нечего дѣлать там, гдѣ собираются мирные обыватели, болѣе всего боящіеся войти в конфликт с основами современнаго государственнаго и общественаго строя.

Современное рабочее движеніе не знает періодов затишья. Как всегда идут стачки, локауты; как всегда ведется пропаганда самоосвобожденія Но крупных, выдающихся событій в послѣднее время не было. Правда, во Франціи городовые убили забастовщика и переранили человѣк 20 рабочих: правда, городовые забили одного ни за что, ни про что арестованнаго в Парижѣ рабочаго, но как эти, так и им подобныя событія, являются, не смотря на весь свой трагизм, настолько „естественными" в наше время эпизодами, что о них мало даже разговаривают.

В виду сказаннаго, мы не даем на этот раз хроники борьбы, а остановимся на мало замѣчаемых, но достойных вниманія событіях рабочей жизни.

Начнем с так называемых христіанских рабочих союзов. О них не принято говорить. Соціал-демократическая пресса убѣдила нас, что эти организаціи не носят классоваго характера, обречены на исчезновеніе под могучим натиском соціал-демократических союзов. Посмотрим, так ли это. По данным Легина в Бельгіи имѣлось в 1910 году 138.928 организованных рабочих. Есть основаніе думоть, что эта цифра не вѣрна и что число таких рабочих превышает 180.000. Во всяком случаѣ соціал-демократическіе союзы не могут похвалиться за послѣднее время своим ростом. Что же касается до христіанских союзов, то численность их членов росла слѣдующим образом. В 1904 году в них насчитывалось менѣе 10.000 рабочих, в 1906 году болѣе 20.000, в 1909 болѣе 40.000, в 1911 болѣе 60.000 и 1 іюля 1912 года — 82.716 членов в 866 союзах. Цифры поразительныя. Но они едва ли доказывают рост христіанскаго міровоззрѣнія в Бельгіи. Они доказывают только, что соціал-демократическіе, партійные союзы Бельгіи, с их казарменной дисциплиной и муштровкой, стали надоѣдать рабочим, а потребность в организаціи очень велика.

Что касается германских христіанских союзов, в которые вступают и католики и протестанты, то общее число их членов возрозло за послѣдніе 12 лѣт на 70.000 и дошло до 350.574. Но стоит ли говорить об этих союзах? Быть может они, в самом дѣлѣ, заняты не борьбою с предпринимателями, а, например, взаимопомощью, т. е., говоря словами одного англійскаго оратора, попыткми кормить собаку ея собственным хвостом? Но нѣт! С. Прокопович, при всѣх своих симпатіях к соціал-демократіи (что не мѣшает ему заявлять, что в ея „научных" концепціях нѣт ни грана науки), сравнивая расходы германских христіанских и соціал-демократических союзов, приходит к неожиданному для него результату, что именно христіанскіе союзы меньше заняты взаимопомощью, чѣм союзы соціал-демократическіе, что христіанскіе союзы „являются гораздо болѣе чисто боевыми организаціями, чѣм соціал-демократическіе союзы", что „христіанскіе профессіональные союзы являются в настоящее время боевыми организаціями пролетаріата". Замѣтим еще, что в этих союзах замѣтны активные протесты против самовластія вожаков, что они не то что плохо слушаются, а просто не слушаются лезущих к ним с совѣтами епископов и попов.

Но, конечно, наши симпатіи клонятся не к этим союзам (да и не к соціал-демократическим).

Нам дороги самодѣятельные, дѣйствительно свободные союзы типа революціонных синдикатов. Послѣдних союзов очень немного в Германіи, гдѣ правовѣрным рабочим запрещается соціал-демократіей ходить на сходки, раз только на них излагаются принципы новаго рабоче-союзнаго движенія. Тѣм не менѣе в Германіи имѣется организація таких союзов — Freie Vereinigung deutschen Gewerkschaften. На майском конгрессѣ этих союзов присутствовало 57 делегатов от 126 союзов (и 24 союза не смогли прислать на него делегатов). Конгресс заявил, что союзы этой организаціи борятся за интересы класса , а не отдѣльных профессій; он вынес резолюціи, из которых главныя говорят о необходимости федеративной формы организаціи и об отрицаніи централистической ея формы, сводящейся к владычеству вожаков — с одной стороны и к рабству рядовых членов — с другой; о необходимости пропагандировать стачки по солидарности и всеобщую забастовку, об об'единеніи рабочих по отраслям промышленности, а не по отдѣльным профессіям.

В Англіи идеи промысловаго юніонизма, — теченія, близкаго романскому синдикализму и I. W. W., — разливаются все шире и шире. Я както писал уже о растущем недовѣріи к авторитарным вожакам союзов, а теперь отмѣчу мощное теченіе к сліянію отдѣльных союзов в один союз по промыслу. Мелкіе союзы и союзы по профессіям исчезают десятками, сливаясь в большіе союзы. В небольшой промежуток времени исчезло болѣе 150 таких союзов. Революціонный синдикализм в точном смыслѣ этого слова дѣлает в Англіи серьезные успѣхи. Тѣм не менѣе англійскіе рабо

GOLOS TRUDA
PUBLISHED MONTHLY
BY THE
Russian Labor Group of New York
P. O. Box 4, Sta. U. New York, N. Y.

Наша газета не имѣет „Юніон-Лэбеля", так как она издается не ради прибыли и потому, что большая часть работы выполняется самими членами группы безвозмездно.

Редакція не принимает на себя отвѣтственности за помѣщаемыя в „Голосѣ Труда" об'явленія.

чіе в массѣ не думают еще открещиваться от парламентаризма; это об'ясняется отчасти и тѣм, что они не возлагают на послѣдній несбыточных надежд, как их германскіе товарищи. Англійскій рабочій всегда надѣялся больше всего на самого себя и, конечно, парламент не баловал его своими благодѣяніями. Все, что он „дал" рабочим, было взято ими рѣшительным боем. Но, очевидно, на кое-что парламент, по их мнѣнію, еще годится. На что именно, я не с'умѣю сказать, но все-таки видно, что парламентская суетня не затемняет, пока что, сознанія англійских рабочих и послѣдніе сами пойдут прямым путем по дорогѣ самоосвобожденія.

Обезпокоилась успѣхом сидикальных идей и правовѣрная соціал-демократическая партія Англіи. Она выпустила что-то вродѣ манифеста, порицающаго революціонный синдикализм, называющаго старый тред-юніонизм болѣе передовым движеніем. Тѣм не менѣе против одного из основных принципов синдикализма, против „непосредственнаго дѣйствія" манифест не протестовал. Но этот манифест оказался сомнительным и отпор ему был дан двумя членами исполнительнаго комитета названной партіи — Русселем Смартом и Леонардом Галлем. „Опубликованные документы, — писали они, — не представляют мнѣнія исполнительнаго комитета, который не санкціонировал бы его в данной формѣ, и к тому же этот документ идет в разрѣз с полученными инструкціями".

Не везет соціал-демократіи и в Англіи.

Кин.

УЖАСЫ ОРЛОВСКОЙ КАТОРГИ.

(Отрывок из письма заключеннаго).

... Нечеловѣческіе крики, бѣготня, звуки ударов, хрипѣніе. Щелкает другой замок и я узнаю звонкій голос Жадановскаго... Потом еще одна дверь открывается и опять крики и грубая брань. Слышу подвигаются ко мнѣ. Щелкнул замок и не успѣл я увернуться, как одним ударом меня сшибли с ног. Ворвалась куча звѣрей с помощником начальника тюрьмы и надо мной стали творить нѣчто неописуемое.

Один бил моей головой об пол, другой топтал ногами, третій связывал рот полотенцем, четвертый связывал туго ноги; загнув назад руки их также связали и третьей веревкой прикрѣпили загнутыя назад руки и ноги вмѣстѣ, так что я изображал из себя нѣчто серповидное. Все это сопровождалось безпощадным битьем и отборнѣйшей руганью. Я лишь только мог хрипѣть, т. к. рот у меня был завязан и весь залит кровью.

Вдоволь натѣшившись, меня, за среднюю веревку, которая соединяла руки и ноги, подняли на высоту человѣческаго роста и швырнули об пол. Я ударился головой и потерял сознаніе. Очнулся, очевидно, скоро, так как первое, что я услышал — это тѣ-же крики и удары — они продолжали свое дѣло и над остальными.

Я лежал уткнувшись лицом в кровь и не мог ничѣм шевельнуть. Руки и ноги стали отекать кровью, не мог сгибать пальцев, боль переходила к плечам. Да, один во время битья ударил меня в мошонку и у меня вспухли железы в паху, что причиняло мнѣ невыносимую боль. Я стал стонать. Часа через три ко мнѣ пришел помощник начальника тюрьмы и старшій фельдшер; ткнув пальцем в мои омертвѣвшія руки, он сказал: „это му можно руки развязать." Мнѣ их развязали, но вмѣсто веревки надѣли смирительную рубашку, снова скрутили руки и крѣпко связали на спинѣ длинными рукавами рубашки. В таком положеніи я пролежал, теряя нѣсколько раз сознаніе, с вечера до 12 часов дня. Снова пришел помощник и меня развязали.

Этим не кончилось. Снова началась пытка, которой подвергали и отдѣленный и другіе надзиратели. Ежедневно приходил отдѣленный и требовал, чтобы на его „здорово" я отвѣчал „здравія желаю господин отдѣленный", заставлял пол зать по полу, натирать его и т. д. И все это сопровождалось немилосердным битьем. Больнѣе всего то, что приходилось слышать крики других избиваемых. Жадановскій, Коротков, Лука и Шмидт голодали по 12 суток, их кормили насиль но при помощи клизмы; посадили в концѣ концов в карцер к ним еще по одному человѣку и сорвали голодовку. Об этом я узнал через 20 дней. Короткова до моего от'ѣзда били ежедневно, Жадановскій без сознанія лежал на полу....."

Трудно добавить что-либо к этому письму...

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА.

Статья 1-ая.

В литературѣ говорится о мирной всеобщей забастовкѣ, результатом которой будет переход средств производства в руки трудящихся, далѣе о мирной или революціонной всеобщей забастовкѣ, имѣющей своей цѣлью пріобрѣсти или отстоять какое либо политическое право и, наконец, о насильственной, революціонной экспропріаторской всеобщей забастовкѣ.

В немногих словах мы познакомим читателей „Г. Т." с тѣм, как и гдѣ именно возникала и развивалась мысль о всеобщей забастовкѣ.

Строго говоря, мысль о всеобщей забастовкѣ родилась в головах рабочих в первой половинѣ прошлаго столѣтія. Правда, плебеи древняго Рима добивались своих прав отказом от военной службы и уходом из города, но, конечно, можно найти только отдаленнѣйшее сходство между этими движеніями и современными массовыми забастовками. Намек на всеобщую забастовку можно, пожалуй, видѣть и в словах Тертулліана, говорившаго от имени христіан древняго Рима: „для того, чтобы уничтожить Имперію, нам надо только отшатнуться от нея: без нас останется только бездѣйствіе и смерть."

Возможность всеобщей забастовки предвидѣл в концѣ позапрошлаго столѣтія Мирабо. Он не совѣтовал устроить такую забастовку; он только указывал на ея возможность и на ея опасность для правящих классов. „Будьте осторожны, — говорил он, — не вызывайте гнѣва народа, все производящаго. Достаточно ему пріостановить работу, чтобы заставить вас трепетать". Но и эти слова Мирабо не имѣли никакой связи с послѣдующими движеніями рабочих.

Grand National Consalidated Trades Union, сложившійся в Англіи в 1834 году первый выставил своей ближайшей задачей всеобщую забастовку рабочих с цѣлью добиться восьмичасоваго рабочаго дня. Англійскіе рабочіе прямо готовились в 30-х годах прошлаго вѣка к всеобщей забастовкѣ, которую они называли „священным мѣсяцем", „священной недѣлей". Выставленныя ими требованія были очень скромны, носили чисто политическій характер, так как они ждали улучшенія своего быта от политических реформ; но судя потому, что они являлись на митинги вооруженными, мысль о забастовкѣ совпадала у них с мыслью о возстаніи. Неудивительно поэтому, что в 1839 году Гарней писал: „нам говорят, что в случаѣ отказа парламента, мы должны подавать опять петицію или воздерживаться от потребленія обложенных (налогами) предметов или об'явить національный праздник (т. е. всеобщую забастовку). Первое — по моему — смѣшно и противно; второе — глупо, потому что большинство народа питается картофелем и овсянкой и отказываться ему не от чего, а послѣднее означает ничто иное, как возстаніе."

Во время этого так называемаго чартистскаго движенія, рабочіе сдѣлали попытку начать всеобщую забастовку. Послѣ того, как парламент отказался выслушать подателей новой петиціи „рабочіе города Астона 5-го августа пріостановили работы, рѣшив не приступать к ним, пока хартія*) не станет законом. Их примѣру послѣдовали и другія области Ланкашира. Цѣлыми толпами рабочіе направились в Манчестер и другія фабричныя мѣста, снимая рабочих с работы и срывая клапаны (plugs, отсюда движеніе и получило свое названіе plugplati) с паровых котлов. В один миг во всем Манчестерѣ на 50 миль вокруг были пріостановлены всѣ работы. Исключеніе было сдѣлано лишь для мельниц и тѣх из фабрик, продукты которых нуждаются в немедленной обработкѣ, чтоб не подвергнуться порчѣ... И при всем том 22 августа движеніе рухнуло, не встрѣтив ожидаемой поддержки со стороны других графств" (Р. Кальвер).

Таким образом, рабочим Англіи выпало на долю провозгласить мысль о всеобщей забастовкѣ. Позднѣе К. Шмидт (Макс Штирнер) едва ли не первый заговорил об экспропріаторской всеобщей забастовкѣ. „Труд, исповѣдуемый рабочим классом, — писал он, — не вознаграждается в размѣрѣ его вѣрной цѣнности, а эксплуатируется собственниками врагами, как военная добыча. В руках рабочих огромнѣйшая сила и, если они когда либо сознают это и вздумают воспользоваться своей силой, тогда уж ничто не устоит перед их натиском: им стоит только прекратить работу и об'явить все сработанное своею собственностью". Тѣм не менѣе эта мысль К. Шмидта не была подхвачена рабочими. Позднѣе они самостоятельно пришли к заключенію о необходимости всеобщей экспропріирующей стачки.

Рабочіе Бельгіи, Франціи и сѣверной Англіи говорили в 1848 году о всеобщей забастовкѣ.

Всеобщая забастовка, как пріем борьбы за новыя политическія права, проповѣдывалась как мы видѣли, чартистами и такая же забастовка с цѣлью вернуть утраченныя политическія права была предложена типичным буржуа Жюлем Фавром. В обоих случаях у современной соціал-демократіи были предшественники. Протестуя против государственнаго переворота, сдѣланнаго Наполеоном 3, Фавр говорил: „оружіем Бонапарт побѣдит; пустотой он будет побѣжден. Образуем вокруг него пустоту: провозгласим всеобщую стачку. Пусть торговец перестанет торговать, потребитель — покупать, пусть рабочій перестанет работать, мясник — бить скот, булочник — печь; пусть все бастует, не исключая и національной типографіи; пусть Луи Бонапарт не найдет ни одного наборщика для того, чтобы набрать Le Moniteur (правительственную газету), ни одного печатника, чтобы печатать, ни одного наклейщика, чтобы расклеить его. Всеобщая стачка, изолированіе, пустота, пустыня вокруг этого человѣка. Пусть нація удалится от него. Всякая власть, от которой отшатнется нація, падает, как отдѣленное от корня дерево. Луи Бонапарт, всѣми покинутый в своем преступленіи, пропадет. Достаточно сложить вокруг него руки и он будет свален. Наоборот, стрѣляйте в него из ружей и вы утвердите его. Организуем всеобщую стачку." Призыв Ж. Фавра не встрѣтил отклика.

О всеобщей стачкѣ говорят далѣе члены „международной ассоціаціи рабочих". Женевскій конгресс стараго Интернаціонала (1866 г.) говорил о всемірной связи между рабочими, которая даст возможность организовать „огромныя, непобѣдимыя" стачки. В резолюціи Брюссельскаго международнаго конгресса 1868 г. всеобщая стачка

---

*) Бумага, в которой были изложены требуемыя политическія права.

не являлась еще средством для полнаго освобожденія рабочих, но считалась необходимой: „общественный организм не может развиваться, если на опредѣленное время будет прекращено производство. Поэтому рабочим достаточно прекратить производство, чтобы сдѣлать невозможным произвол самовластных и деспотических правительств." 27 марта 1869 г. в журналѣ „Интернаціонал" международная ассоціація рабочих определенно указывала на всеобщую стачку: „раз стачки распространяются, сближаются—это значит, что они близки к тому, чтобы сдѣлаться все общей стачкой; всеобщая же стачка, при господствующих теперь освободительных идеях, может кончиться не иначе, как великим переворотом, который перемѣнит общественный строй." Здѣсь звучит уже надлежащая нота.

На конгрессѣ бельгійской федераціи Интернаціонала в Вервье, в засѣданіи 14-го апрѣля 1873 года „делегаты обсуждали вопрос о всеобщей забастовкѣ, разсматривая ее, как средство экспропріировать класс капиталистов" (А. Зеваес). Флинк и Стандерт предлагали отказаться от частичных стачек и готовиться к всеобщей забастовкѣ. На другом конгрессѣ бельгійской федераціи в Антверпенѣ 15 и 16-го августа того-же года делегаты высказались за устройство всеобщей стачки.

На Женевском конгрессѣ стараго Интернаціонала 1-6 сентября 1873 года вопрос о всеобщей забастовкѣ дебатировался очень долго. Конгресс принял резолюцію, в которой указывал, что, при настоящем положеніи Интернаціонала, нельзя дать исчерпывающаго рѣшенія по вопросу о всеобщей забастовкѣ. Два бельгійских делегата — Монгюэтти и Верригкен, испанскій делегат Алерини и швейцарскій Ж. Гильом высказались за всеобщую стачку безусловно. Нѣмецкій депутат Гальс сказал так долго (и как нѣчто новое) повторявшуюся до послѣдняго времени соціал-демократами пошлость — всеобщая стачка есть всеобщее безуміе, так как для того, чтобы ее провести нужна такая организація раобчаго класса, которая окончательно сложится только послѣ революціи.

Проповѣдывал всеобщую забастовку и Барселонскій журнал „Революціонная Солидарность": „в назначенный день останавливается огромная машина труда: в копях нѣт болѣе рабочих: фабрики и мастерскія пусты; желѣзнодорожные поѣзда останавливаются на всем протяженіи рельс; улицы — без освѣщенія; торговля — без почты; булочныя — без хлѣба; мясныя— без мяса. Весь народ на улицах и отвѣчает своим уничтоженным господам: „я не возьмусь за работу, пока не будет реорганизована собственность, пока орудія труда не будут в руках рабочих."

В 70-х годах бакунисты западной Европы усердно выдвигали идею всеобщей забастовки.

(Продолженіе слѣдует)

Н. Крамской.

НА ВОЛГѢ.

Вот она снова, красавица Волга! Все та-же, прекрасная, многоводная, в пышном весеннем разливѣ... Все та-же!

Давно не видал я ея...

Годы промчалися в бурном волненіи жизни, кипѣвшей, как лава.

Устал я душою, устал от людской тѣсноты и к простору пришел отдохнуть, побыть средь природы хоть миг.

Пришел отдохнуть, а уж мысль шевелится невольно: остаться бы здѣсь навсегда, раствориться бы, слиться с лазурью нѣмой, как росы чуть замѣтная капля под лаской солнца лучей.

Сколько тяжелых утрат! А что может ждать впереди? Длинная цѣпь новых мук, новых страданій, горше прежних, быть может...

Полной грудью вздохнул, жадно воздух весенній впивая.

Прочь, малодушныя мысли! Что там думать о прошлом, о будущем! Сейчас я **свободный** жизнью одною с **свободной природой живу!**

День умирает. Послѣдній свой луч гасит солнце в водѣ быстротечной... Мир и покой опустилися в душу.

Лежу на разсыпчатом, за день нагрѣтом пескѣ. Вот волна подбѣжала, ласково брызжет привѣтною пѣной в лицо и снова уходит. Катись, дорогая, к сестрам своим и скажи им, что видѣла чудо: человѣка, забывшаго все, с просвѣтленной душою природѣ внимавшаго.

Лежу в забытьи. Как будто не я, а кто-то иной, незнакомый.

И мнится, что было уж это когда-то, однажды. Так же внѣ времени, о прошлом забыв и о грядущем не думая, молча и чутко слушал я тишину...

Волга — и небо, покрытое тучами. В рѣдкій разрыв их звѣздочки тихо мерцают. На берегу, вдалекѣ, гаснут один за другим огоньки.

Ночь вперед идет потихоньку. Надоѣло лежать мнѣ без мыслей. Что-ж! Есть еще время, пожалуй, пока не проснулися люди, мѣсто завѣтное вновь посѣтить.

Безшумно шагая, к лодкам я подошел. В шалашѣ на рогожѣ дремлет хозяин их — старый „Апостол". С длинной сѣдой бородой и такими святыми глазами.

Осторожно в шалаш я проник и „Апостола" тронул за плечи.

Чуток сон стариков. Быстро глаза он раскрыл и пытливо окрестность окинул.

Все тот-же он. Невозмутимый, как вѣчность. Безстрастный и все понимающій.

Много, ох много прошло перед ним молодежи по этим-вот сходням. Много тѣх, кто уж больше не будет на лодкѣ кататься.

Легкую лодку он мнѣ отвязал и весла вручил без распросов.

Что ему спрашивать? Куда же еще поплывешь, лодку взяв среди ночи, как не на „Остров Зеленый", что в разлив и не видѣн вдали?

...Плыву по раздолью широкому. Вот уже берег, откуда от'ѣхал, едва лишь замѣтен, а взор не находит другого.

Разступилися легкія тучки, луч луны голубой с любопытством скользнул по рѣкѣ, засмѣялся, заискрился, переливаясь алмазами засверкал в брызгах пѣны и в каплях воды, сбѣгающих с весел.

Руку за борт опустил я на миг и меж пальцев моих потекли освѣщенныя струи...

И дальше плыву я, в утлой лодченкѣ среди безграничности вод, затерянный в мірѣ огромном.

... Вот и остров. Вершина „Зеленаго Острова", гордо царящая над разлившейся властно стихіей.

Попрежнему тихо кругом. Только и слышно, что легкій рокот прибоя, да шелест дерев.

Запах воды и свѣжих, едва распустившихся клейких листочков. Дивный, единственный в мірѣ, весенній лѣсной аромат. Благоуханіе вновь пробудившейся к жизни природы!

Брожу средь деревьев, нарядных в весеннем уборѣ, и странных при лунном сіяньи...' Как все здѣсь знакомо, как мило!

Воспоминанія хлынули в душу толпою. Забилось усиленно сердце. Встают, как живыя, милыя тѣни далекаго прошлаго. В шелестѣ листьев я слышу их голос призывный...

Нѣт, не уйти от себя! Не уйти от людей и от жизни!

Не дано нам забвенья! А прошлое тысячью нитей таинственных с грядущим связует, властно толкает вперед и зовет на борьбу и требует мести!

... Обратно плыву над волнами. Малодушная слабость исчезла безслѣдно. Я окрѣп, прикоснувшись к природѣ.

Новыя силы влила в меня Волга родная, этот широкій простор, этот властный разлив и этот таинственный остров.

И снова готов я бороться и, если нужно, лютыя муки принять!

Как эта ночь отступает, так ушли малодушныя мысли.

Посвѣтлѣл горизонт и окрасилось пурпуром небо.

Ласково вѣет в лицо вѣтерок и шепчет о близкой побѣдѣ и в душу вливает увѣренность, свѣжій, бодрящій.

Брызнуло солнце лучами и ореолом сверкающим лодку одѣло.

Утру торжественный гимн весело птички запѣли в прибрежных кустах.

Вот видны уж жилища людскія...

Врѣзалась лодка в песок. Я на берег вышел и в каменный город направил шаги.

Вл. Забрежнев.

ДИКТАТУРА ИЛИ ГЕГЕМОНІЯ ПРОЛЕТАРІАТА.

(Замѣтка).

Кому из нас не приходилось слышать о грядущей диктатурѣ пролетаріата. Многих из нас давно уже коробит это выраженіе. Диктатура, это — неограниченная власть человѣка над человѣком, а мы достаточно натерпѣлись и от ограниченной и от неограниченной власти для того, чтобы самим дѣлаться властителями. Затѣм многіе из нас ясно понимали, что весь пролетаріат, а тѣм болѣе пролетаріат и крестьянство никоим образом не может усѣсться на мѣста правителей. Да и кѣм править то? Другими общественными классами? Занять их теперешнее мѣсто? Если так, то почему не заманивать нас в политическія партіи перспективой, что, побѣдив, мы начнем эксплуатировать другіе классы?

Мы вовсе не хотим имѣть правителей. Но раз правительство будет, — то называйся оно диктатурой пролетаріата или диктатурой пролетаріата и крестьян, — оно все равно будет правительством, состоящим из кучки людей, хотя бы и выбранных населеніем данной страны.

Нѣт сомнѣнія: — что ни говори, — а такая диктатура явится ничѣм иным, как диктатурой Сидоровых или Карповых, душащих полиціей, войсками, тюрьмами, палачами и чиновниками тѣх, кто не согласен с ними в пониманіи того, что нужно пролетаріям или крестьянам, а в конечном счетѣ душащих самих рабочих и самих крестьян.

М. А. Бакунин давно уже совѣтовал рабочим не вѣрить в революціонную диктатуру. „Между революціонною диктатурой и государственностью вся разница состоит только во внѣшней обстановкѣ. В сущности же онѣ представляют обѣ одно и тоже управленіе большинства меньшинством во имя мнимой глупости перваго и мнимаго ума послѣдняго." „Никакая диктатура не может имѣть другой цѣли, кромѣ увѣковѣченія себя.... она способна породить и воспитать в народѣ, спокойствием ее, только рабство. Свобода может быть создана только свободой, т. е. всенародным бунтом и вольной организаціей рабочих масс снизу вверх."

Болѣе, чѣм ясно, что под „диктатурой пролетаріата" скрывается у лиц, совѣтующих рабочим стремиться к ней, диктатура вождей соціал-демократической партіи. Составленное из вождей послѣдней правительство, эта не рабочая, а только опирающаяся на рабочих в цѣлях добиться власти, партія и называет, смотря по вдохновенію или сообразуясь с данным моментом, то народным представительством, то диктатурой пролетаріата, то диктатурой пролетаріата и крестьян

Мы знаем, как мало считаются с рабочими даже вожди современных, не добившихся еще принудительной государственной власти соціал-демократических партій. Мы знаем, что и в настоящее время во главѣ этих партій стоят отнюдь не рабочіе. Не рабочіе засѣдают на конгрессах соціалистов, не они засѣдают в парламентах (хотя туда попадают и „бывшіе" рабочіе), не

рабочіе находятся в партійных комитетах. Не рабочіе будут править населеніем, если соціал-демократическая партія добьется гдѣ либо власти.

Но почему вожди соціал-демократіи так добиваются власти? Конечно, они говорят, что воспользуются ею для блага масс. Но вѣдь так говорили и всѣ стремившіеся к власти и еще не добившіеся ея люди и группы людей. „Всѣ без исключенія партіи, в том числѣ и соціалистическія, — пишет П. А. Кропоткин, — твердят, стремясь к власти, одно и тоже: дайте мнѣ в руки власть и я вас избавлю от гнетущих вас бѣдствій: я имѣю возможность это сдѣлать."

Но нельзя вѣрить этим словам. „Конечно, — говорит Г. Лягардель, — партіи дѣлают вид будто стремятся к власти лишь для служенія благородным интересам и великим идеям. Но за призывом к „безсмертным принципам" очень часто скрывается преслѣдованіе частных интересов профессіональных политиков и на практикѣ к захвату административных должностей; стремятся лишь затѣм, чтобы передать их покровительствуемым лицам." „И то, что соціалисты называют завоеваніем власти, — поясняет Эд. Берт, — ни что иное, как завоеваніе бюрократіи, господство которой они распространяют и на всю область производства".

Как до захвата власти, партіи, — в том числѣ и соціалистическія, — убивают самодѣятельность массы своих членов, убивают в них все что либо похожее на критическое отношеніе к жизни, так — и еще в большей степени — обратят они народныя массы в насомое стадо, добившись власти государственной.

Слушая красивыя сказки, которыя разсказывают нам о благодѣяніях власти члены разных партій, надо пропускать мимо ушей всѣ эти разговоры и обращать вниманіе только на то, что они жаждут власти. Не мѣшает при этом случаѣ припомнить басню о змѣѣ и мужикѣ. Подползла к мужику змѣя и говорит: „Сосѣд, начнем жить дружно. Теперь меня тебѣ стеречься вѣдь не нужно. Ты видишь, что совсѣм другая стала я и кожу нынѣшней весной перемѣнила". Однакож мужика змѣя не убѣдила. Мужик схватил обух и говорит: „хоть ты и в новой кожѣ, да сердце у тебя все то же," и вышиб у сосѣдки дух. В другой баснѣ крестьянин резонно отвѣчает змѣѣ: „и потому с тобой мнѣ не ужиться, что лучшая змѣя, по мнѣ, ни к черту не годится" (из басен И. А. Крылова). Для нас тоже ни к черту не годится и соціал-демократическое правительство, тѣм болѣе, что у нас нѣт даже основаній называть его лучшим, из возможных, правительством.

Все сказанное относится и к „гегемоніи пролетаріата". Это — тѣх же щей да пожиже влей. Эта гегемонія опять таки сводится к властвованію отдѣльных лиц или групп в лицѣ наиболѣе энергичных и беззастѣнчивых представителей соціал-демократической интеллигенціи. Парламент с большинством из соціал-демократов как раз и даст такую „гегемонію". Но, конечно, такія слова, как „диктатура" или „гегемонія" пролетаріата очень полезны для тѣх политиков, которые желают убѣдить несознательных рабочих не ремѣнить властителей, перевалиться из кулька в рогожу.

К. Петровскій.

СКАЖИТЕ ИМ...*

..... Чахотка дѣлает свое дѣло... Мнѣ осталось жить, по увѣреніям мѣстных врачей, 5-6 мѣсяцев, самое большое год, что возможно при отмѣнно благопріятных условіях. Но о них смѣшно говорить...

Много чего есть сказать о ссыльном бытѣ и его послѣдних настроеніях, но не имѣя никакой гарантіи, что мое письмо не попадет в „черный кабинет", я поэтому молчу...

Молчу с завязанным ртом...

Я не знаю Ваших политических убѣжденій, товарищ, — но о себѣ скажу, что я убѣжденный анархист. Это слово у очень многих вызывает крик ненависти, ужаса, презрѣнія. Я это знаю! Я совершенно не думаю вступать с Вами в полемику по этому поводу — я только хотѣл бы Вас, товарищ, просить: передайте моим невѣдомым, но близким мнѣ единомышленникам мой горячій привѣт...

Скажите им....

Слышите?

Скажите им, что с послѣдним куском легкаго, который мнѣ придется выплюнуть, с запекшейся кровью, в миг предсмертнаго хрипѣнія — будет крик мой:

Да здравствует Соціальная Революція, идущій на смерть тебя привѣтствует!...

---

* Отрывок из письма ссыльнаго, полученнаго от Н. І. Общ. Пом. Сс.-Поселенцам в Сибири.

К ОПРАВДАНІЮ „ПОДСУДИМЫХ".

Оправданіе Эттора, Джіованитти, Карузо, Эмерсона и др. наших товарищей ясно показывает, что прошло то время, когда капитал мог безнаказанно отправлять на висѣлицу самых энергичных, дѣятельных и самоотверженных членов трудящагося класса, как отправил на нее, 25 лѣт тому назад, Чикагских мучеников. Прошло то время, когда прислужники и холопы капитала с легким сердцем налагали свою грязную лапу на все свѣтлое, чистое...

Этим мы не хотим сказать, конечно, что трудящіеся достигли такой силы, что способны в каждый момент остановить подлую руку палача, занесенную над головою своих жертв. Мы думаем, наоборот, что в будущем, и, по многим признакам, в очень близком будущем нам предстоит с капиталом и его слугою государством самая острая, самая отчаянная борьба, если не бой на жизнь и на смерть, когда они не остановятся ни перед чѣм. Но мы ни на минуту не сомнѣваемся также, что мощный голос пролетаріата, быстро увеличивающаяся сила его сплоченности и солидарности заставят призадуматься его врагов каждый раз, когда возникнет серьезный конфликт, грозящій превратиться в міровой пожар, способный смести с лица земли всю нечисть, так долго издѣвавшуюся над обездоленной частью человѣчества.

Будем-же энергично, неустанно готовиться, пополняя свои ряды, чтобы событія не застали нас в расплох.

С.

Русскій Прогрессивный Рабочій Клуб в Детроитѣ, Мич., в день юбилея 70-тилѣтія дорогого тов. П. А. Кропоткина, присоединяется к радостному торжеству всего революціоннаго міра и привѣтствует в лицѣ тов. Кропоткина одного из самых старых, искренних и честных борцов-революціонеров, всю жизнь свою отдавшаго на борьбу и счастье трудового народа.

Группа Содѣйствія „Голосу Труда" в Бронзвиллѣ, Н. І., привѣтствуя глубокоуважаемаго учителя и товарища П. А. Кропоткина с днем его 70-лѣтняго юбилея, искренно желает ему дожить до воплощенія в жизнь великаго идеала, служенію котораго он отдал всѣ свои силы, всю жизнь свою.

Русскій Прогрессивный Кружок в Бронзвилѣ, в день 70-лѣтняго юбилея П. А. Кропоткина, устраивает в субботу, 7 декабря, в Зингер Голл, уг. Питкин авеню и Ваткин стрит, массовый митинг. Ораторы будут говорить на русском, польском и еврейском языках. Начало в 8 час. вечера.

ОТЧЕТ РУССКОЙ ПРОГРЕССИВНОЙ ОРГАНИЗАЦІИ В ГАРТФОРДѢ, КОНН.

(с 20-го ноября 1909 г. по 20-ое ноября 1912 г.)

Организація: Членов организаціи перебывало — 161, читальни — 95, регулярных и массовых митингов — 83, лекцій и рефератов — 24, концертов и вечеров — 11. Из других работ: постановка двух русских организацій (в Ансоніи, Конн. и Спрингфильдѣ, Масс.). Устройство читальни-клуба и книжнаго кіоска. Организація пѣвческаго и балалаечнаго хора. Оборудованіе постояннаго помѣщенія. Оказаніе матеріальной поддержки трем забастовкам, Рабочему Дому, газетѣ „Н. М.", мѣстному отдѣлу амер. С. П. и т. п.

Читальни: посѣтителей 7721, выдано книг на дом 1593, получено періодических изданій — 3769, продано газет, брошюр и открыток—2864, принято подписок на газеты — 56, отправлено старых газет — 734, пожертвовано книг — 872, переплетено книг — 322.

Кассы: ПРИХОД: Членских взносов 343.53, читальня — 189.99, клуб — 86.02, предпріятія — 746.08, сборы, заем и пожертвованія — 218.28. Итого — 1583.90. РАСХОД: Помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе организаціи — 430.87, предпріятія — 493.04, товарищам, оганизаціям — 137.35, библіотека — 274.57, клуб — 55.06, типогр. канц., почтовые — 83.20, погашеніе займов и др. расходы — 85.99. Итого 1560.08. Остаток — 23.82.

Протокольный секретарь **А. Князев.** Библіотекарь **Б. Трифонов.** Кассир **Вл. Вайлер.** Финансовый секретарь **И. Шварц.** Коллектор **Ф. Дымчук.**

Получены и поступили в продажу брошюры: **Анархія**, П. Кропоткина, цѣна 8 с. с пересылкой и **Борьба с капиталом и властью.** М. Корн, 6 с. с пересылкой.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТ РУССКОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ В НЬЮ-ІОРКѢ

за время с 21 октября по 21 ноября 1912 года.

ПРИХОД:

Оставалось к 21 октября	$313.56
Поступило:	
Членских взносов	12.00
От продажи „Г. Т." и подписки	44.10
За литературу	47.61
„ об'явленія	3.00
„ портреты	20.20
В фонд на изданіе литературы	40.35
„ пользу Анарх. Кр. Креста	6.30
„ пользу группы „Хлѣб и Воля"	8.00
„ фонд защиты тов. Эммерсона и др.	7.00
Вспомоществованій „Г. Т.":	
От викторійскаго Союза Р. Р.	2.25
„ Сеаттлскаго Союза Р. Р.	1.00
„ Ванкуверскаго Союза Р. Р.	1.75
„ Сеаттлской Группы Содѣйствія	7.00
„ Бронзвилльской Группы Содѣйствія	2.11
„ разных лиц	8.28
Итого в приходѣ с остатком	$524.81

РАСХОД:

На набор, бумагу и печатание №21 „Г. Т."	61.20
„ почтовые расходы	10.96
„ канцелярскіе расходы	1.19
„ литературу	7.79
„ наем квартиры	8.00
„ портреты	25.00
В возврат занятых на изданіе литературы	30.00
Отослано группѣ „Хлѣб и Воля"	8.00
„ в фонд защиты т. Эммерсона и др.	7.00
Итого в расходѣ	$159.14
К 21 ноября состоит в наличности	$365.70

В суммѣ остатка заключается 103.85 литературнаго фонда.

Адрес секретаря Русской Рабочей Группы:
A. RODE, 60 E. 103-rd st. New-York, City.

ПОСТУПЛЕНІЯ:

В пользу „Голоса Труда": от Ролсона 1 д., Шакуна 25 с., М. Смирнова 50 с., Сенько 8 с., Пушкарскаго 15 с., Товарища 1 д., И. Гурвича, Дубровскаго, В. Гинзбурга по 10 с., О. Каплана 15 с., М. Ратте 20 с., Г. Райвы, М. Эскина, С. Малько, П. Викантьева, А. Задова по 25 с., К. Иванова 24 с., М. Васюхина 30 с. и Н. Бѣлковскаго 50 с.

В пользу группы „Хлѣб и Воля", на изданіе сочиненій М. Бакунина, собранные Л. Финкелем в Ротчестрѣ, Н. І.: от С. Морозова, И. Филипова, Моца, Теккера, П. Карпенко, Л. Кургаля, М. Гро сберга, М. Файнгольда, Р. Мерлис по 10 с.; М. Коганс, А. Маняка, М. Юшкевича, С. Рабинова, Якобсон, І. Сейдшера, І. Абрамса. І. Каспара, Г. Новика, А. Орловскаго по 15 с.; С. Сефкена, Л. Атласа, Б. Зелингера, С. Левина, Ф. Райхлина, С. Адлера, Б. Мерлина, Б. Левина, М. Рубинскаго, І. Сентоля, Г. Кліяк, М. Богорада по 25 с.; І. Гушли 30 с., Неизвѣстнаго 50 с. и Г. Райвы 65 с.

В фонд на изданіе литературы: от Союза Р. Р. Ванкувера 7.50 с. и Союза Р. Р. Сеаттла 26 д. 15 с.

В пользу Анархическаго Кр. Креста: Собранные на митингѣ Бронзвильскаго Прогрессивнаго Кружка и Юніона Портных 6.30 с.

В фонд по защитѣ тов. Эммерсона и др., собранные на митингѣ 7 долларов.

РУССКАЯ ЮНІОНСКАЯ
ТИПОГРАФІЯ
LIFSHITZ PRINTING CO.
217 E. BROADWAY, NEW YORK
Разнаго рода заказы на всѣхъ языкахъ
РУССКІЙ НОТАРІУСЪ

ЧЕРЕЗ РЕДАКЦІЮ „ГОЛОСА ТРУДА" МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩУЮ ЛИТЕРАТУРУ:

Как и из чего развился революціонный синдикализм, Оргеіани	28 с.
Очерки по исторіи рабочаго движенія в Испаніи, З. Нахт	12 „
Альманах. Историч. очерк анарх. в Россіи, том 1-й	60 „
О рабочих союзах, Оргеіани	12 „
Революціонный синдикализм, Г. Лягардель	30 „
Портреты Чикагских анархистов	15 „
Портреты Л. Н. Толстого, по	30 „
Через колесуху на волю, А. Градов	8 „
О Николаѣ Павловичѣ, Л. Толстой	6 „
Парижская Коммуна, П. Кропоткин	8 „
О революціи и революціонном правительствѣ (его-же)	6 „
Нравственныя начала анархизма (его-же)	14 „
Государство—его роль в исторіи (его-же)	17 „
Современная наука и анархизм (его-же)	17 „
Хлѣб и Воля (295 стр.) (его-же)	55 „
Анархія, ея философія, ея идеал (его-же)	13 „
Парижская Коммуна, Герцыг	6 „
Доклады 1900 г. Анарх. Международному Конгрессу	28 „
Новый поход против С-Д-тіи	15 „
Анархія, П. Кропоткина	8 „
Борьба с капиталом и властью, М. Кори	6 „
Доктрины марксизма, М. Черкезова	17 „
Революціонный синдикализм и анархизм, Пэлдин	11 „
Из недавняго прошлаго, Г. Гершуни	50 „
Разрушенный мол, (его-же)	30 „
В Америкѣ, М. Горькій	45 „
9-ое января, (его-же)	18 „
Тюрьма, (его-же)	45 „
Земля и Воля	70 „
Бытовое явленіе, Вл. Короленко	45 „
Липочка Поповна. — Разсказ	50 „
Исторія коммуны 1871 г., Лиссагарэ	65 „
Вѣсти ниоткуда, В. Моррис	45 „
Из дневника максималиста, Гр. Нестроев	55 „
Из программы синдикальнаго анархизма, Новомірскій	55 „
Русская революція и анархизм	14 „
Исторія революціоннаго движенія, Тун	85 „
Анархизм, П. Эльцбахера	1.25 „
Будущее общество, Ж. Грав	65 „
Новое Евангеліе	8 „
Письмо стараго рабочаго	6 „
За мір и др.	6 „
Анархія, (польская), Е. Малатеста	8 „
Чего хотят анархисты (польская), Г. Тонар	6 „
Что св. отец говорит о раб. вопросѣ (польская). П. Робак	12 „
Обращеніе к юношеству (польская) П. Кропоткин	17 „
Анархизм (еврейская) Е. Малатеста	10 „

Открытыя письма с портретами революціонеров, писателей и др.: Бакунин, Кропоткин, Гершуни, Бебель, Кошут, Лавров, Лассаль, Либкнехт, Л. Мишель, Маркс, Реклю, Ферер, Чайковскій, Чернышевскій, Энгельс, Андреев, Горькій, Спенсер, Ницше, Гауптман, Гейне, Гордин, Золя, Михайловскій, Надсон, Пушкин, Толстой, Тургенев, Чехов, Фруг, Шиллер, Шевченко, Шекспир, Бетховен, Вагнер, Рубинштейн, Дарвин и др.

10 штук с пересылкой 25 с.

Цѣны на всѣ вышеназванныя книги указаны, включая и расходы по пересылкѣ.

Всѣ заказы на книги адресуйте по слѣдующему адресу:

Golos Truda

P. O. BOX 4, STA. „U", NEW YORK, CITY

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ГУРЕВИЧА

Только что получен большой транспорт русской литературы. Нѣкоторыя из списка полученных книг:

Пушкин. Полное собраніе сочиненій.	1.65	с перес. 2.00
Лермонтов. Полное собраніе сочиненій	1.30	с перес. 1.60
Гоголь. Полное собраніе сочиненій	1.35	с перес. 1.60
Надсон. Полное собраніе сочиненій	2.00	с перес. 2.25
Некрасов. Полное собраніе сочиненій	4.50	с перес. 5.00
Никитин. Полное собраніе сочиненій	1.15	с перес. 1.40
Фруг. Полное собраніе сочиненій	2.75	с перес. 3.00
Всѣ вышеуказанныя книги в роскошных переплетах.		
Ницше. Так говорил Заротустра	.85	с перес. 1.00
Ницше. По ту сторону добра и зла	.85	с перес. 1.00
В переплетѣ на 30 с. дороже.		
Шевченко. Кобзарь	.40	с перес. .55
Чтец-Декламатор. 4 тома, каждый по	.90	с перес. 1.10
В переплетѣ на 35 с. дороже.		
Чернышевскій. Что дѣлать	1.00	с перес. 1.20
Энциклопедическій Словарь Павленкова в 1 т.	2.10	с перес. 2.40
Форель. Половой вопрос (в переплетѣ)	1.25	с перес. 1.50
В. Жук. Мать и Дитя. Извѣстная общедоступная гигіена матери и ребенка. 1000 стр. с массой рисунков в текстѣ	2.25	с перес. 2.75
В переплетѣ на 50 с. дороже.		

На складѣ имѣются для продажи а также принимается подписка на газеты и журналы из Россіи. Принимается уже подписка на „Ниву" на 1913 год. Подписчики получат в видѣ безплатнаго приложенія полное собраніе сочиненій Л. Андреева, Вересаева, Мольера и Тютчева. Цѣна за год 7. долларов.

С ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ

M. GUREWITCH

202 East Broadway New York

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. Н. МАЙЗЕЛЯ

получил недавно из Россіи книгу

ЗОРГЕ: РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ В СОЕД. ШТАТАХ

300 страниц убористаго шрифта. Цѣна с перес. 55 сентов. Зорге прожил в Америкѣ около 40 лѣт и был хорошо знаком с американским рабочим движеніем

Кто хочет познакомиться с исторіей рабочаго движенія в Америкѣ должен пріобрѣсть эту книгу

Всѣ заказы направляйте по адресу:

MAX N. MAISEL

424 Grand Street New York

ТРЕТІЙ ГОДИЧНЫЙ АРЕСТАНТСКІЙ

ВЕЧЕРЪ

будет дан

АНАРХИЧЕСКИМ КРАСНЫМ КРЕСТОМ В НЬЮ-ІОРКѢ

В Harlem River Casino

Second Ave., bet. 126th and 127th Sts., New York City

В СУББОТУ, 11-ГО ЯНВАРЯ 1913 ГОДА

В антрактах между танцами, под управленіем артиста Лавровскаго, будут показаны живыя картины из Возстанія Русскаго Флота.

ТАНЦЫ С 8 ЧАС. ВЕЧЕРА. ЮНІОН—ОРКЕСТР МУЗЫКИ

БИЛЕТ 25 СЕНТОВ ....ГАРДЕРОБ 15 СЕНТОВ

СЛѢДИТЕ ЗА ПОДРОБНОСТЯМИ

ВО ВТОРНИК, 31 ДЕКАБРЯ 1912 ГОДА **РУССКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА В НЬЮ-ІОРКѢ**

устраивает

В TERRACE LYCEUM, 206 East Broadway

Концертъ и Балъ

ЦѢНА БИЛЕТА 25 СЕНТОВ. **НАЧАЛО В 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА** **ГЕТ-ЧЕК 10 СЕНТОВ**

цп 11965
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА